

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 37.014(470) (09):303.446.4+929

Некоторые аспекты дореволюционной историографии образовательной политики Петра I

А. Н. Поздняков

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель, Истринский профессиональный колледж – филиал Государственного гуманитарно-технологического университета, alnikpoz@mail.ru

Роль Петра I в развитии России, в том числе сферы образования страны, огромна. Это признают все исследователи. Однако в оценке личности преобразователя и результатов его деятельности всегда существовали глубокие расхождения. Наиболее бурные дискуссии разворачивались в XIX в. В них принимали участие как преданные сторонники, так и активные противники Петра. Ведущее место занимали исследователи, пытавшиеся путем серьезного научного анализа дать объективную оценку политике, осуществляемой императором.

Ключевые слова: образовательная политика, российское образование, церковная школа, профессиональное образование.

Some Aspects of Pre-revolutionary Historiography of Educational Policy of Peter I

A. N. Pozdnyakov

Alexander N. Pozdnyakov, <https://orcid.org/0000-0003-3651-4532>, Istra professional College-branch of the State University of Humanities and technology, 33a 9th Guards Division St., Istra, Moscow region 143500, Russia, alnikpoz@mail.ru

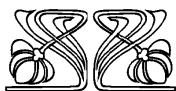
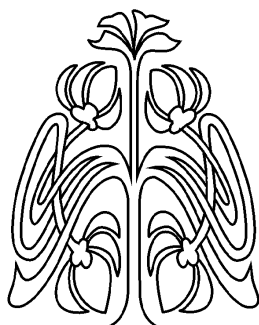
The role of Peter I in the development of Russia, including the field of education, is huge. This is recognized by all researchers. However, assessing the personality of the Converter and the results of his activities have always had deep differences. The most heated discussions took place in the XIX century. They were held by both loyal supporters and active opponents of Peter. The leading place was taken by researchers who through serious academic analysis tried to give an objective assessment of the policy implemented by the Emperor.

Keywords: educational policy, Russian education, Church school, professional education.

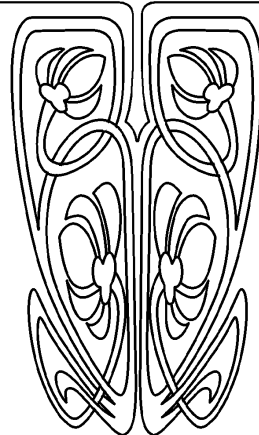
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-412-416>

Петр I сыграл огромную роль в развитии России. Это признавали и признают многие ученые. Однако отношение к деятельности царя, оценка его личности с самого начала стали тем водоразделом, который поделил российское общество на преданных сторонников и активных противников преобразователя. Известный российский ученый-филолог, академик Яков Карлович Грот (1812–1893) отмечал, что обвинения Петра I «в человеческих слабостях и в ошибках» при избрании средств к достижению «преобразовательных целей» исходили уже от его современников. Смерть императора, «невольное сознание его превосходства» надолго «сомкнули уста порицателей». Однако к концу XVIII столетия «крайности, к каким привело злоупотребление некоторыми из петровских идей, ...начавшее пробуждаться в немногих умах национальное самосознание возбудили сомнения в безусловном величии Петра. Стали отыскивать недостатки в его свойствах и деятельности»¹.

Сам Я. К. Грот высоко оценивал деятельность Петра I. Среди его главных заслуг он называл «просвещение своей могущественной нации». «Плоды образования, – подчеркивал он, – были существен-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

нейшим результатом всех подвигов Великого»². Я. К. Грот писал: «Просветительные начала проводились Петром разнообразно: они являлись в личности его и примере, в его законах и учреждениях, наконец, в мерах, непосредственно направленных к распространению образования путем училищ и литературы»³.

Положительные оценочные суждения о Петре I высказывали и многие другие. Так, писатель и журналист Николай Афанасьевич Лебедев (1813–1896) заявлял: «Скорее следует согласиться с тем, что... Петр является пред нами творцом нового общества, нового государства. С него, для России и русского народа, начинается новая жизнь, жизнь России европейской в связи с Европой и в духе ее, полная прогресса, заключающая в себе все задатки развития. <...> Петр вечно будет незабвенным для России и великим, и никакие указания на крутость его мер и на ломку, им произведенную, не умалят и не в состоянии умалить его значения. <...> И если сказано, что Петру мало одной статуи на Исаакиевской площади, а следует возвести ему алтари на всех площадях и улицах Царства русского, то это верно»⁴.

Весьма характерен отзыв Н. А. Лебедева об образовательной политике императора. «Петр Великий, – писал он, – как гениальный Государь, основатель Империи, смотрел на науки чисто с государственно-устройственной точки зрения <...> Он не заботился собственно об образовании народа, ... а заботился об образовании искусных слуг Империи, исполнителей его идеи. <...> С теми же служебными государственными целями Петр посылал молодых людей за границу»⁵.

Немало было и других, по сути противоположных точек зрения о просветительской деятельности Петра I. Так, профессор Московской духовной академии Иван Николаевич Корсунский (1849–1899) подчеркивал: «По почину Петра в умах русских людей высших и частью средних классов стало укореняться убеждение, что дотоле на Руси было одно невежество и варварство, и что только на западе Европы источник истинного просвещения, что поэтому с иностранцев, а не со своих доморожденных учителей мы должны брать в этом отношении пример, у первых, а не у вторых учиться и т. д. А так как наука на западе шла и идет прогрессивно вперед, то и породилась мысль, что мы – русские должны быть вечными учениками иностранцев»⁶.

Наряду с крайними, как положительными, так и отрицательными взглядами, немало было и своего рода примирительных отзывов, к примеру, точка зрения литературоведа и библиографа Владимира Владимировича Каллаша (1866–1918). Он писал: «Характер преобразователя и его помощников, косность масс, тяжелая война, крайнее напряжение народных сил, близость финансового краха и насущная необходимость, во

что бы то стало, создать сильное войско наложили свой яркий отпечаток на петровские реформы вообще и просветительные меры, в частности. Ускоренное, часто неправильное и недостаточное решение намеченных раньше задач, причудливое смешение старого и нового, яркие проблемы новых настроений среди ветхого хлама – вот, кажется, основные черты этих мер»⁷.

По мнению автора, Петру хотелось сразу посадить в России «все культурные формы» западной жизни. При этом зачастую не было «ни охоты, ни времени» подумать об их пригодности и способности привиться к новой почве. Реформа шла скачками, часто «давила здоровые культурные ростки» народной жизни, отрицала всякие традиции, старалась оборвать нить естественного общественного развития «слишком быстрым и грубым вращением веретена».

Влияние Петра I на состояние российского образования, его качественный подъем было действительно огромным. При этом целевая установка образовательной политики претерпела принципиальные изменения, по сравнению с предшествовавшим периодом. Это было, в частности, отмечено видным специалистом в области истории педагогики и образования Петром Федоровичем Каптеревым (1849–1922). Начавшийся с Петра I этап развития русской педагогики П. Ф. Каптеревым был назван государственным, поскольку характеризовался полным подчинением школы и образования государству вместо подчинения церкви, как было ранее. Для нового периода, отмечал П. Ф. Каптерев, было характерно и новое понимание образования, введение в русское педагогическое самосознание новых педагогических начал. Церковь в предшествовавший период разъясняла свое понимание образования как созидание благочестивого православного христианина. Оно осуществлялось двумя путями: простым, элементарным – через мастера грамоты, изучением часослова, псалтири, апостола, евангелия и более сложным и высоким – постижением благочестивых, благословенных церковью наук в академии или в другой подобной школе.

На новом, государственном, этапе своего развития образование стало пониматься по-новому. «Исторические судьбы России, – подчеркивал П. Ф. Каптерев, – привели ее к сознанию настоящей государственной потребности в подготовленных теоретически, обученных, людях для отправления государственной службы. Откуда было взять их? В существовавших школах учили часослову, псалтири, разумению божественных писаний и даже схоластическим богословию, философии, пиитике, риторике, но не сообщали сведений, пригодных к прохождению государственной службы. Что могли сделать с псалтирем или богословием в руках приказный, офицер, моряк...? Полагаться же, по-прежнему, на практическую выучку приказного в приказе,

офицера на войне и в казарме, доктора в больнице, было неудобно, путь был слишком длинный и трудный, дававший притом не особенно хорошие результаты. Очевидно, нужны были профессиональные подготовительные школы, которые государство и начало заводить с большой энергией»⁸. При этом на первый план выходил практический интерес, вызванный стремлением сформировать как можно быстрее широкий круг специалистов разного профиля, потребность в которых становилась все более и более острой. «Государственная педагогика, – писал П. Ф. Каптерев, – чужда идеализма, государственный интерес, государственная служба ее бог. Служба эта различна, требует разных знаний, а потому и школы должны быть с различными учебными курсами»⁹.

Особо не восторгаясь происшедшими переменами, П. Ф. Каптерев в целом положительно оценивал их осуществление, когда констатировал, что «превращение единого церковного образования в многообразное профессионально-практическое было необходимым моментом в развитии русской педагогики, иначе она не сдвинулась бы с своего церковного якоря»¹⁰.

Иной точки зрения придерживался педагог-методист и историк Сергей Иринеевич Миropольский (1842–1907). Он с известной долей скептицизма относился к тому, что XVIII в. принято было считать началом европейской жизни в России, российской научной образованности, началом сближения с культурой Запада. Он подчеркивал, что внимательное исследование XVII в. свидетельствовало о том, что русские и тогда уже «не были дикарями», отсталыми, что они знали Европу и ее культуру, многим пользовались, но шли «свободно, самобытно, без принуждения» к образованию, не порывая связи со своим прошлым и с историей, – шли «осторожно, обдуманно, хотя и не торопливо».

Руководительницей этого «медленного спокойного», но «твердого и величавого движения», по мнению С. И. Миropольского, была церковная школа. «Она шла рука об руку с жизнью, – писал он, – отвечала на ее запросы, удовлетворяла ее требованиям, никогда не изменяя своему коренному духу – православной церковности, в чем и была ее сила. Школа эта до Петра никогда не была *специальной*, даже и академия была общеобразовательной, хотя руководилась духовными лицами; школа эта, чуждая утилитарности, всегда служила удовлетворению высших религиозно-нравственных потребностей народа, она была вполне *просветительным* учреждением; но образуя ум и сердце человека, сообщая ему прочные религиозные и нравственные убеждения, воспитывая его волю в добрых навыках, проникнутая духом православной церкви и народности, она приготавливала деятелей для всех поприщ служения общественного и государственного»¹¹.

Однако, как утверждал С. И. Миropольский, «равенство образования», соединявшее все сословия допетровской Руси, было нарушено реформами XVIII в. В результате «народ остался при старой школе», которая без всякой поддержки и «даже теснимая правительством» стала «упадать количественно и качественно». Высшие же сословия пошли другим путем, усвоив себе «если не дух, то формы европейской образованности».

«Если бы в истории... школы не было внезапного, насильственного перерыва, – подчеркивал С. И. Миropольский, – то, быть может, Русь имела бы ныне свою самобытную систему обучения, не похожую на западноевропейскую, не уступающую ей в научном отношении, но более сильную, живую, объединяющую весь народ, основанную на вечно живых началах вселенской истины»¹².

Исследование историка церкви, духовного писателя Николая Ивановича Кедрова (1858 – не ранее 1917) характеризовалось глубоким анализом вопроса становления новой системы образования. Он констатировал, что «законодательство преобразовательной эпохи» с самого начала своего развития не признавало никакой другой цели в образовании, кроме «пригодности его» для того или другого сословия. Задача петровского правительства в деле организации сословий состояла в том, чтобы дать возможность государственным сословиям «наилучшим образом отправлять» лежавшую на них государственную службу: военную, гражданскую и «всякого рода другую». Одним из главнейших вспомогательных средств при достижении этой задачи признавалось образование. Но так как в деле организации социальной жизни тогдашнего общества законодательство ставило узкие государственные цели, то и народное образование понималось правительством аналогично. «Тогдашнее законодательство, – писал Н. И. Кедров, – не имело понятия об образовании самом в себе, – а лишь в узком смысле пригодности его для прямых практических государственных целей. Вот почему в деле народного образования государство заботилось собственно об обучении, а не об образовании, ибо ремеслу можно научить, а не образовывать на нем человека. Вот почему, с другой стороны, узаконения преобразовательной эпохи о народном образовании в строгом и точном смысле суть узаконения о государственной службе. Говоря короче и проще, в деле народного образования законодательство и администрация преобразовательной эпохи имели в виду следующие цели: приготовление известного круга лиц к военной службе, приготовление других лиц к гражданской службе с ее различными разделениями и т. д.»¹³.

Научное освещение проблемы формирования в петровскую эпоху особого направления образовательной политики, связанной с про-

фессиональной подготовкой необходимых стране специалистов, получили в работах профессора С.-Петербургского университета Сергея Васильевича Рождественского (1868–1934). «С течением времени, – писал он, – под влиянием общего хода государственных преобразований, выяснились и окрепли два главных принципа, которые стали исходными пунктами законодательства о народном просвещении в первой половине XVIII века: во-первых, государство особенно нуждается в профессиональном образовании; общее образование, с точки зрения государственных интересов, отодвигается на второй план; во-вторых, профессиональное образование должно быть сословным, иначе – каждое сословие должно получать образование, соответствующее его положению и обязанностям»¹⁴.

Подчеркивая особую значимость для исследуемого периода профессионального образования, С. В. Рождественский отмечал, что правительство «не могло не ценить» и значения общего образования. Прежде всего, для успеха самих профессиональных школ было важно, чтобы в них поступали люди, уже овладевшие «подготовленным, элементарным образованием». Да и общество в целом, по мнению автора, «несомненно, чувствовало» потребность в элементарном образовании.

Специальным указом, изданным в 1714 г., во всех губерниях стали открываться так называемые «цифирные школы», предназначенные для обязательного обучения детей от 10 до 15 лет арифметике и геометрии. Но, как вынужден был констатировать С. В. Рождественский, «этот первый энергичный приступ к насаждению обязательного элементарного, хотя одностороннего, математического образования оказался в конце концов совершенно неудачным. При господстве профессионально-сословной системы образования, когда каждому классу населения предназначалась своя специальная школа, в общей элементарной школе некому было учиться»¹⁵.

Во многом схожую точку зрения по вопросу о содержании и направленности образования в период правления Петра I высказывал историк и общественный деятель Павел Николаевич Миллюков (1859–1943). «Новая ... школа, – писал он, – ставила целью не умственное развитие, а приобретение необходимых технических навыков. Лишь поневоле, – постольку, поскольку для технической выучки все-таки необходимы были некоторые элементарные знания, – школа приобрела до некоторой степени общеобразовательный характер. Вслед за приобретением предварительных знаний ... должна была следовать профессиональная выучка: она-то и была главной целью, для которой средством служила предварительная общая подготовка. Школа должна готовить к различным частям государственной службы, и по-

тому должна быть профессиональной, – такова была основная идея преобразователя»¹⁶.

Однако, по мнению П. Н. Миллюкова, образовательные задачи правительства не совпадали с реальными интересами русского общества. Он считал, что при Петре и его ближайших преемниках русское общество нуждалось преимущественно в элементарном образовании и стремилось его получить. Правительство же нуждалось в людях, имевших профессиональную подготовку, и «употребляло все усилия», чтобы «загнать» молодежь в такие профессиональные школы.

Необходимо подчеркнуть, что новая образовательная политика базировалась на глубоких социальных изменениях, происходивших в обществе в петровскую эпоху. Они состояли во всемерном укреплении сформировавшихся сословий. По утверждению профессора Киевского университета Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова (1838–1916), власть строила на этом свою систему государственного управления, в том числе и в сфере образования. Основывалась эта политика на сущностных характеристиках самого понятия «сословие», его главных признаках. «В понятие сословия, – писал М. Ф. Владимирский-Буданов, – включается четыре признака, из которых каждый столь важен..., что отсутствие одного совершенно разрушает самое понятие. Эти признаки следующие: корпоративность, профессия, наследственность и признание со стороны государства»¹⁷.

Ориентируясь на сословность общества, власть создавала не просто специальные, профессиональные школы, а именно сословные. Доступ в них открывался только для лиц, принадлежавших к тому или иному сословию. «И обратно»: лица, не получившие этого образования, лишались сословных прав. По словам М. Ф. Владимирского-Буданова, в законодательстве XVIII в., «преимущественно в 1-й половине его», господствовали два принципа, «1) всякий должен учиться тому, что составляет профессию его отца; 2) отсюда само собою следует, что никто сторонний не может быть допущен к этой профессии. Первый принцип выражен в большом ряде узаконений... второй выражен не так отчетливо, потому что сам собою вытекает из первого: однако и он в чистом виде является в нескольких законодательных мерах и административных распоряжениях»¹⁸.

Подводя итоги рассмотрению некоторых аспектов историографии образовательной политики Петра I, следует отметить наличие широкого спектра оценочных суждений исследователей – от набора восторженных эпитетов до резко критических заявлений. При этом нельзя не сказать, что только глубокий, основанный на использовании широкой источниковой базы научный анализ позволяет делать объективные выводы.

Примечания

- ¹ Грот Я. Петр Великий как просветитель России. Читано в торжественном собрании Императорской академии наук 31 мая 1872 г. СПб., 1872. С. 11–12.
- ² Там же. С. 2.
- ³ Там же.
- ⁴ Лебедев Н. А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1875. С. 68–69.
- ⁵ Там же. С. 61–62.
- ⁶ Корсунский И. Н. Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888. С. 39.
- ⁷ Каллаш В. В. Что сделала Екатерина II для русского народного просвещения. М., 1896. С. 20.
- ⁸ Кантерев П. Ф. История русской педагогики. Изд. 2-е, пересм. и доп. Пг., 1915. С. 153.
- ⁹ Там же. С. 154.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. 2-е изд. СПб., 1910. С. 217.
- ¹² Там же.
- ¹³ Кедров Н. И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886. С. 176–177.
- ¹⁴ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 2.
- ¹⁵ Там же. С. 5.
- ¹⁶ Милуков П. Очерки по истории русской культуры. Издание журнала «Мир Божий»: в 3 ч. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897. С. 277.
- ¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII-го века: Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874. С. 89–90.
- ¹⁸ Там же. С. 99.

Образец для цитирования:

Поздняков А. Н. Некоторые аспекты дореволюционной историографии образовательной политики Петра I // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 412–416. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-412-416>

Cite this article as:

Pozdnyakov A. N. Some Aspects of Pre-revolutionary Historiography of Educational Policy of Peter I. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 412–416 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-412-416>
